Юрий Грымов: «Идеальное кино – это плохое кино»

– Вы стали самым известным клипмейкером в 90-е годы. Это перспективно, прибыльно, модно. Почему вы начали снимать кино?

Юрий Грымов: Это был переход не только профессиональный, но и внутренний, психологический. Я давно шел к большому кино. Вся моя история с рекламой, клипами была подготовкой к этому моменту. Я долго тренировался, как тот мальчик, который хочет летать. Я понимал, что у меня нет другого выхода. Мне пришлось идти по пути самообразования. Не знаю, хорошо это или плохо, горжусь я этим или не горжусь. С одной стороны – хорошо, с другой – может, и неплохо бы, если бы я где-нибудь, как положено, учился.

– Этот переход дался легко, без потерь, сожаления?

Ю.Г.: Переход был сложный: когда я уходил из рекламы, этого не очень хотели люди, с которыми я работал. Но я понимал, что на два фронта жить нельзя. Качественно работать и там, и там не удастся. Психологически сложно. Одни не хотели, чтобы я уходил, другие – кинематографисты – не хотели, чтобы я приходил. Я это чувствовал. Благо, к тому времени я уже знал многих людей кино, знал, что они говорят, какие снимают фильмы, что думают.

– Как вы думаете, в чем была причина этого неприятия? Элементарное недоверие к «человеку со стороны»?

Ю.Г.: Это было мне непонятно и тяжело. Мы настолько все разные. То, что делаю я, – ведь так никто не сможет сделать. То, что делают они, я не смогу сделать. У каждого из нас свой рынок. По-моему, нужно бороться не друг с другом, а только за зрителя, за свой киноязык и т.д.

Меня и мое кино приняли настороженно, иногда по-хамски. После выхода «МУ-МУ» и приза на «Кинотавре» я был приятно удивлен изменившимся отношением со стороны известных кинематографистов. Подходили драматурги, актеры, режиссеры, на чьих картинах я воспитывался, и благодарили за кино. Для меня это было очень важно. Говорили о том, что воспринимали меня как человека шоубизнеса и никак не ожидали, что я могу снять душевный профессиональный фильм. На следующий год я уже приехал как гость, а потом как член жюри. Эскалатор был очень быстрый.

– У вас был совершенно уникальный опыт, потому что вы пришли из мира, где преобладает эпатаж, где царит имидж, где главное – «казаться». Я помню, когда была раскрутка вашего кинопроекта «МУ-МУ», вы говорили: «Я буду снимать кино, где будет много острых, сложных, даже болезненных отношений. Это будет совсем не тот Тургенев, которого проходят в школе». А фильм получился по жанру достаточно традиционной, добротной, красивой экранизацией...

Ю.Г.: В раскрутке, наверное, мною была допущена ошибка. Когда я говорю слово «секс», то для меня это означает отношения между полами. Я не имею в виду разврат. Во время рекламной компании мы много говорили о сексе в картине. Эта тема – часть моего имиджа. Мне кажется, что для судьбы кино промоушн очень важен. Но никогда в рекламе своего фильма я не позволю одной вещи. Я не скажу: «Кино Юрия Грымова – замечательное кино». Я не буду оценивать картину раньше зрителей. К примеру, фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник» был запущен с колоссальным шиком. Но уже в рекламе его назвали киношедевром. По-моему, это просчет. Киношедевр определяется временем. Но никак ни с голоса творца. Реклама фильма «МУ-МУ» была, действительно, большого размаха. Как прыщ – на фоне того, что было. Теперь я могу сказать, что надо было очень бережно говорить о том, что и как я снимаю. Подчеркнуть, что я воспитывался на русской классике, что снимаю кино на понятном языке. Оно для тех, кто любит русскую традицию, в которой всегда есть авторское начало, присутствует личный взгляд. А в основе изобразительного ряда лежит русская живопись.

– Фильм «Коллекционер» вы рекламируете иначе?

Ю.Г.: Фильм «Коллекционер», который я сейчас заканчиваю, – это другое кино. Но оно, наверное, мне ближе, чем «МУ-МУ», потому что более отвечает моему внутреннему миру. «МУ-МУ» была визитной карточкой. Когда я подхожу к вам, я говорю «здравствуйте» по-русски. А потом я скажу на английском языке – мне это более симпатично. «Коллекционер» – это уже мой язык. Это совершенно новое, современное кино.

– А какой ваш язык?

Ю.Г.: Я за кино Бергмана, за кино Гринуэя, за кино Бертолуччи. Мне интересно рассказывать о себе и о мире через художественный образ. Я пытаюсь создать свой киноязык, чтобы точнее рассказать о том, что меня волнует, искренне хочу говорить о своем взгляде на мир. Но это не значит, что я прост и понятен. Я не собираюсь подыгрывать зрителю. Если кто-то захочет внимательно всмотреться в картину «Коллекционер», посмотрит ее не один раз, то он сможет увидеть, что со мной происходило в этот период жизни.

– О чем кино?

Ю.Г.: О моих страхах. Не перед смертью, перед жизнью.

– То есть для вас кино есть способ самопознания, поиск ответов на волнующие вас вопросы?

Ю.Г.: Да. И я вовсе не хочу, чтобы меня все любили. Но в разговоре с экрана я не лукавлю. Мы все разные. Я не люблю одинаковое. Я не хочу сделать такой стол, за которым всем удобно сидеть. Бывают тяжелые дубовые столы. Кому-то нравятся пластмассовые, бывает стеклянный стол. В России есть несколько режиссеров, которых все любят. Как так может быть? Я хочу иметь своего зрителя, с которым я буду в контакте. Пусть таких людей будет немного, но я буду честно разговаривать с ними о том, что нам интересно. Это очень непростая задача и психологически сложное состояние.

– Вы наверняка знаете конъюнктуру кинорынка, спрос и потребление, в том числе и художественную конъюнктуру. Это помогает вам в работе?

Ю.Г.: Я специально от этого отхожу.

– Но вы ее знаете. Что было особенного, яркого с точки зрения такого знания?

Ю.Г.: Я понял одну вещь, когда занимался маркетингом: очень важно максимально искренне разговаривать со зрителем посредством кино. Вообще кино – это как человек. У человека есть достоинства, есть недостатки. Идеальное кино – это плохое кино. Есть человек, который чихает, хромает, но при этом он интересный собеседник. В кино для меня самое важное – сохранить эту индивидуальность, состояние жизни. Поэтому я для себя избрал такой путь. Наверное, меня будут ругать. И, наверное, это хорошо. Потому что я снимаю искренне и про себя. Я ставлю эксперимент не над зрителем, я ставлю эксперимент над собой. Мне непонятно утверждение: «я знаю, что нужно зрителю» или «сейчас в России нужна мелодрама». С чего бы это? Я бы побоялся говорить, что сейчас нужно. Я могу утверждать только одно: нужно идти от себя. Я не люблю, когда говорят: народное кино, народный режиссер, народные темы. Это большая ответственность – говорить от имени народа.

– За эти 10 лет в кино, по-моему, стало меньше конфронтации. Так ли это?

Ю.Г.: Мне кажется, что в кино 90-х произошла некая подмена понятий. Я считаю, что фильм Алексея Германа «Хрусталев, машину» – очень большое кино. А фильм «Москва» Александра Зельдовича, который вышел в 2000 году, тут же устарел. Ему место в 95-м. Все пытаются ухватить время за хвост и понравиться зрителям. И в этом ошибка.

– Что можно определить как главную черту кино 90-х?

Ю.Г.: Проблема кино 90-х заключалась в том, что мы хотели доказать миру, что мы не хуже, например, американцев. Я не понимаю, почему мы должны быть лучше или хуже? Нам необходимо полюбить себя и друг друга. Если мы сами себя не полюбим, мы никого не полюбим и нас никто не полюбит. Это очень важная вещь. В нас до сих пор сидит некая агрессивность, некая настороженность. Я еще раз повторю: делить нечего, у каждого своя ниша. Никто друг у друга ничего не отнимает. Я завидую тому периоду Питера Гринуэя, Сальвадора Дали, когда люди вместе собирали коллекцию... Я открыт такой позиции и готов к таким действиям. У меня есть опыт в маркетинге и рекламе. Я бы с удовольствием поработал на продвижении чьей-то картины. Нет предложений. Все насторожены.

– Не модно быть агрессивным?

Ю.Г.: Ребята, мы живем в нашей стране. Мы здесь все вместе. Другой жизни уже не будет. Если мы будем, грубо говоря, мочить друг друга, в чем же тогда заключается жизнь? Я был с презентацией проекта «Коллекционера» в Каннах. Я помню, что спрашивали журналисты-соотечественники. Это было неприятно. Они были настроены изначально на негатив. В Каннах была пресс-конференция фильма «Молох». Наши журналисты вели себя, с моей точки зрения, оскорбительно по отношению к режиссеру и актерам. Когда в Каннах представлены фильмы испанского или мексиканского режиссера и в пресс-зале сидят испанские и мексиканские журналисты, все переполнены гордостью от того, что происходит. Понимаете?

– Понимаю. Это, видимо, идет еще от советских времен: я всех умнее, поэтому всех учу.

Ю.Г.: Я считаю, что сейчас должно наступить время объединения. И каждый будет радоваться тому, что сделал сам и что сделал другой. Каждое время достойно своего кино. Не может сейчас появиться фильм «Оптимистическая трагедия». Мы живем в другое время. Сейчас происходит перестройка сознания. Происходит смена поколений. Даже в правительстве.

Я думаю, что сегодня по-настоящему художественным может быть только авторское кино, рассказывающее о себе и про себя. Я привожу пример: есть мода от кутюр и прет-а-порте. От кутюр – это высокая мода. Куда в таких платьях пойдешь? Никуда. Но на базе вещей от кутюр создается мода прет-а-порте. Вы покупаете свои пиджачки, юбочки и замечательно себя в них чувствуете. В кино иначе. Например, был Тарковский. Я большой его поклонник. Но обидно видеть, как его эстетику разорвали на кусочки.

И мне кажется, что сейчас главная проблема в нашем кино – это система образования. У меня 5 лет существует школа. В ней преподают хорошие педагоги – классики отечественного кино. Для меня важно не только научить человека профессии, но научить автора сохранять свою индивидуальность.

– Насколько эффективно обучение в вашей школе? Кем работают ее выпускники?

Ю.Г.: Выпускники работают ассистентами, вторыми режиссерами, звукооператорами и т.д. В России, пожалуй, самая острая проблема – это подготовка среднего звена. Я, например, с большим удовольствием работаю и постановщиком фильма, и художником. В студентах киновузов много амбиций. Я читал лекции во ВГИКе и видел, что ребята не настроены на работу. Они почему-то уже сейчас видят себя на каннской лестнице в платье Мэрилин Монро и т.д. Работать надо. Кино – это индустрия. И пока в России нет индустрии кино.

Ведь проблема в чем? Я снял кино и хочу вам его показать. Заплатите мне деньги, придите ко мне на премьеру. Я сейчас специально отменил халявную премьеру. Вы приходите ко мне, у вас есть 100 рублей, заплатите мне. Когда будут отношения «товар-деньги-товар», начнется кино. Тогда не будет никаких заискиваний перед государством. Представьте себе Спилберга, просящего деньги у Буша. У нас пока именно так и происходит. Начинают просить: «Прокатчики, помогите, пожалуйста, русскому кино». Какая разница прокатчикам, какое кино, русское или иностранное, будет приносить им деньги? Русскому кино нужно становиться конкурентоспособным на кинорынке.

Придите сегодня на любую российскую киностудию и спросите: «Когда вы последний раз были в кинотеатре и что вы видели?» Вам перечислят классику, которую хватанули во ВГИКе. И все. Сейчас надо быть в курсе того, что происходит в мире. Без этого просто уже невозможно. Невозможно рисовать только грифелем и карандашом. Уже появились краски, появился компьютер. Можно использовать все. Но первичной остается идея. Идея должна быть твоя.

– Вы смотрите российское кино?

Ю.Г.: Отечественное кино я смотрю все. Я должен знать, что происходит. Я получаю огромное удовольствие от того, что я это вижу. Я примечаю каких-то актеров, примечаю операторов. Я был в этом году на кинофестивале «Кинотавр». Это тяжелый случай.

– Почему?

Ю.Г.: Дело в том, что не хватает наглости. Кино – наглое искусство. В нем должно быть хулиганство. Я пытаюсь создать свое кино. Знаете, так бывает: мне помогает малая форма. Я нахожусь в тренировке постоянно.

– Если подвести итог вашей декларации?..

Ю.Г.: Я за индивидуальность. И за информированность. Необходимо вытаскивать свое. Если в художнике что-то есть, его не задавит поток... Нужно много разного кино. Никто никогда не сможет повторить, то, что можете сделать только вы.

Беседу провела
Татьяна МОСКВИНА-ЯЩЕНКО
«Окно в Европу-2001», г. Выборг

Награда патриарха

На днях во Всероссийском государственном институте кинематографии им. С.А.Герасимова состоялось торжественное событие. Проректору ВГИК по фильмопроизводству Анатолию Николаевичу Причину была вручена высокая награда – медаль Русской православной церкви Сергия Радонежского 1-й степени. Подписал приказ о награде Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Этой награды А.Н.Притчин удостоен за заслуги перед православной церковью в деле воспитания подрастающего поколения и в связи с 20-летием творческой деятельности.

Эта награда была учреждена решением Святейшего Синода в декабре 1978 г. Ею награждались представители православных и инославных церквей, видные государственные и общественные деяте-

ли. В последние годы церковь часто награждает подобной медалью деятелей науки, культуры и искусства.

От имени патриарха поздравил награжденного и сказал немало теплых слов в адрес проректора ВГИК настоятель Храма Живоначально и Троицы Патриаршье подворье в честь 1000-летия крещения Руси отец Олег. Он отметил, что сегодня кинематографистам особенно важно защищать духовность и воспитывать себе достойную смену.

Коллеги – многочисленные педагоги и сотрудники ВГИК тепло поздравили А.Н. Притчина с высокой наградой.

Сам награжденный сказал, что считает эту награду не только своей, но ставит ее в заслугу всему коллективу родного института.